

Память о прошлом как яблоко раздора, или Еще раз о (меж)дисциплинарности¹

Аннотация: в статье на примере «мемориальных исследований» рассматривается проблема междисциплинарного взаимодействия (конкуренции и сотрудничества) в современном социально-гуманитарном знании, анализируются различные аспекты теоретико-методологических дискуссий вокруг понятия «исторической памяти», оцениваются результаты развития междисциплинарных подходов и перспективы синтеза исследовательских перспектив социально-гуманитарных наук в условиях складывания новой концепции «интердисциплинарности».

Ключевые слова: история, культурология, память, культура, образы прошлого, междисциплинарное взаимодействие, идентичность, индивидуальное / надиндивидуальное, историописание, синтез знаний.

Уже более полувека междисциплинарность выступает в качестве одной из важных составляющих научно-исследовательской практики, однако поиск путей налаживания диалога между разными областями знания неизменно наталкивается на устойчивые линии размежевания — незримые, но закрепленные профессиональными нормами дисциплинарные границы.

В обширном пространстве социально-гуманитарного знания, охваченного на рубеже XX–XXI вв. настоящим бумом так называемых «мемориальных исследований»², эта проблема актуализировалась, и память о прошлом как предмет изучения и описания превратилась в своеобразное яблоко раздора, причем сразу в нескольких планах: я имею в виду разные аспекты споров вокруг самого понятия памяти о прошлом и способов ее исследования. Это, во-первых, теоретико-методологический план — споры относительно дихотомии «индивидуального» и «надиндивидуального». Во-вторых, это концептуальный план — споры вокруг понятий «социальная память», «коллективная память», историческая память»,

«культурная память», а также споры вокруг содержания понятий «исторической памяти» и «исторического сознания»³. Еще один план раздоров и споров, проблемный — это вопрос о том, что именно ставится в центр как предмет изучения: а) формы памяти⁴, б) память как история или история как память о прошлом⁵, в) взаимоотношения памяти и истории⁶. К этому же проблемному аспекту можно было бы отнести и сложный вопрос о том, что ставить в центр внимания при

¹ Статья написана по материалам установочного доклада, сделанного на Международной научной конференции «История — история культуры — историческая культурология — cultural history: новые водоразделы и перспективы взаимодействия» (5–7 апреля 2012 г.; Фестивальный центр Госфильмофонда в Белых Столбах).

² Подробно об исследованиях в области исторической памяти см.: Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и Новейшая история. 2004. № 5. С. 33–45. См. также: Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 202–208.

³ См.: Левада Ю. А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 81–96; Барг М. А. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории. 1982. № 12. С. 49–66; Rösen J. Studies in Metahistory / Ed. by P. Duvenage. Pretoria: Human Sciences Research Council, 1993; Тоценко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14; MacDonald S., Fausser K. Towards European Historical Consciousness: an introduction // Approaches to European Historical Consciousness — Reflections and Provocations / Ed. by Sharon MacDonald. (Eustory Series: Shaping European History, Vol 1). Hamburg: Körber-Stiftung, 2000. P. 9–30. См. также: «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2005.

⁴ Об этом подробно писал М. А. Барг: Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987.

⁵ См.: Гури П. История в роли памяти? / Пер. И. В. Дубровского // Диалог со временем. 1999. Вып. 14. С. 106–120.

⁶ Именно в данном аспекте рассмотрена эта проблема в серии книг «Образы истории», опубликованных Центром интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН. См.: История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2006; Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2008; Образы времени и исторические представления: Россия, Восток, Запад / под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2010.

изучении процессов, связанных с памятью⁷: процессы консервации, актуализации, трансформации и т. д.

Еще один аспект — социально-прагматический, в рамках которого речь идет о функциях памяти, прежде всего о конструировании идентичности: всем хорошо известен первооткрыватель, пионер в этой области П. Нора, указавший на настоятельную потребность в создании новых образов истории для поддержания единства общества⁸. Это также вопрос о соотношении изучения истории памяти как политического или социального проекта⁹, когда концепт исторической памяти связывается главным образом с понятием «политика памяти», с анализом роли политического заказа или же власти, или же «контр-истории» — как контр-памяти притесняемых и маргинальных групп¹⁰. В том же плане речь идет о спорах вокруг различий в целеполагании историописания, в связи с чем рассматривается проблема разрыва между социально-ориентированным (поддерживается и/или актуализируется историческим сознанием общества, а также властью, навязывающей обществу «нужный» образ прошлого) и научно-ориентированным историописанием¹¹. В этом контексте я считаю необходимым подчеркнуть слово *историописание*, так как речь идет именно о *написании* истории с определенной целью. Когда мы говорим об исторической науке, имеются в виду представление результатов исторического *исследования*. Что же касается социальной ориентированности, то, безусловно, с одной стороны, понимание такого рода историописания в идеологическом смысле представляется вполне обоснованным. Однако, с другой стороны, следует отметить, что популяризация может иметь и другую цель и, соответственно, другой

характер. Если собственно *научная история* обращается к обществу (это так называемая *public history*, а не «народная» *popular history*), то здесь мы имеем дело с совершенно иным пониманием социальной ориентации историка.

И наконец, последний аспект, в котором память о прошлом тоже служит яблоком раздора: это аспект дисциплинаризации или раздисциплинаризации¹². Известен целый ряд метафор, которыми специалисты обозначают взаимоотношения между разными дисциплинами, в том числе и в сфере изучения памяти. Это, например, очень яркие метафоры *альянсов* и *мезальянсов* Клио со смежными дисциплинами; это также метафора *территории*, в том числе *смежных полей, границ, приграничных полос* между дисциплинами и т. д.; это метафоры *стен и мостов, водоразделов и каналов* и т. п.¹³ Отношения между дисциплинами концептуализируются также в терминах *импорта, агрессии, экспансии, интервенции* и *аннексии*, и даже *империализма* и *колониализма*¹⁴.

Я подробнее остановлюсь на трех аспектах: концептуальном, теоретическом и дисциплинарном. Тем не менее, в том, что касается памяти и изучения памяти, мне кажется, очень важно начать с того, что популярность *memory studies* в значительной степени объясняется не только какими-то вызовами новейшего времени, не только ростом потребности в построении новой идентичности, о чем писал П. Нора и многие другие авторы, но и необходимостью решения важных внутринаучных проблем, и поэтому в зависимости от специфики научных перспектив представителей разных дисциплин акценты делаются на то или иное понимание базовых категорий. В результате возникли понятия *социальной памяти, исторической памяти, культурной памяти*, которые приобрели невероятную популярность и у российских историков, культурологов, социологов, политологов, философов, представителей практически всех социально-гуманитарных наук. При этом очень четко проявились значимые разногласия и противоречия вокруг всех этих

⁷ См. особенно: Zerubavel E. *Time Maps. Collective Memory and the Social Shape of the Past*. Chicago: The University of Chicago Press, 2003.

⁸ *Les lieux de mémoire* / P. Nora (dir.). Т. 1–7. Paris: Gallimard, 1984–1992. См. также: Франция — память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с франц. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999.

⁹ См., например: Савельева И. М., Полетаев А. В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / Ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М.: ГУ–ВШЭ, 2005. С. 170–220.

¹⁰ Отсюда характерно довольно широкое употребление термина «памяти» во множественном числе. См. прежде всего в известной книге М. Ферро: Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / Пер. с франц. Е. Лебедевой. М.: Высшая школа, 1992.

¹¹ См. об этом, в частности: Маловичко С. И. Социальная память и историческая наука: проблемы целеполагания // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XXI века. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 212–215.

¹² Knowledges. *Historical and Critical Studies in Disciplinarity* / Ed. by E. Messer-Davidow, D. Shumway, D. Sylvan. Charlottesville, L.: Univ. of Virginia Press, 1993; Klein, Julie Thompson. *Crossing Boundaries: Knowledge, Disciplinarity and Interdisciplinarity*. Charlottesville: Univ. of Virginia Press, 1996.

¹³ См., например: Стены и мосты: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях: материалы Международной научной конференции (Москва, РГГУ, 13–14 июня 2012 г.) / Отв. ред. Г. Г. Ершова, Е. А. Долгова. М.: Совпадение, 2012.

¹⁴ См., например, тезисы доклада В. С. Вахштайна «Эпистемические интервенции: скромное обаяние чужих объяснительных моделей» на семинаре Института гуманитарных и теоретических исследований НИУ ВШЭ (Москва, 28.02.2012 г. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/36891872>).

ключевых понятий и особенно вокруг понятия «историческая память». В последние годы вышло достаточно много заметных конкретных исследований в этой области, нацеленные главным образом на описание социально и культурно дифференцированных «образов прошлого», или комплексов обыденных (массовых) представлений о прошлом. Однако в целом взгляды на значение указанных выше понятий и на соотношение исторического сознания и исторической памяти остаются противоречивыми. Нередко историческое сознание просто сводится к исторической памяти, но обычно они раздвоются: как *форма*, в которой социум осознает свое прошлое сквозь призму и потребности современности, и как *содержание* — как представления о прошедшем.

Некоторые исследователи практически отождествляют историческую память и историческое сознание, в то время как другие подчеркивают, что коллективная память сама является выражением исторического сознания и основой для формирования социально-групповой идентичности, а потому понятие «исторической памяти» представляется излишним¹⁵. Вместе с тем, тот факт, что *культурная память* характеризуется как связанная «с особым сознанием принадлежности и сплоченности, с мы-сознанием»¹⁶, не вызывает возражений. Почему же в этом отказывается именно понятию исторической памяти, или же истории как памяти о прошлом, как форме коллективного рассказа о себе, о своей общности?

Говоря об оживленных дискуссиях вокруг концептов «коллективная память», «социальная память», «культурная память», «мемориальная культура», «историческая память», «историческое сознание», «образы прошлого» и т. п., нельзя не заметить, что все эти концепты, возникшие и развивающиеся в рамках разных теорий, ориентированы на осмысление *надиндивидуального* измерения памяти, а возникающие вокруг них споры во многом восходят к извечному противостоянию парадигм «методологического холизма» и «методологического индивидуализма».

Представления о механизмах выработки общих значений и смыслов в процессе межличностной коммуникации, о социальной обусловленности индивидуального мышления, влиянии социальных факторов на формирование челове-

ка и его когнитивные процессы, о влиянии когнитивных схем, принятых в данном обществе и воспринимаемых и усваиваемых человеком в процессе общения, о культурной обусловленности индивидуальных представлений, имеют достаточно устойчивую традицию в социологии, социальной и культурной антропологии, этнологии, социальной психологии. Как известно, главный тезис классика социологии коллективной памяти М. Хальбвакса — социальная обусловленность памяти¹⁷. Я. Ассман, как и многие другие критики Хальбвакса, выступил против признания коллектива субъектом памяти и употребления понятий «групповая память» и «память нации»¹⁸. Вместе с тем теория культурной памяти, которую он разработал в 1990-е гг. на материале древних культур, построена на том же фундаменте: она трактуется как символическая форма «передачи и актуализации культурных смыслов», выходящая «за рамки опыта отдельных людей или групп»; «она может осуществляться лишь искусственно, в рамках институций, и в то же время это — память, потому что она функционирует по отношению к социальной коммуникации совершенно так же, как индивидуальная память по отношению к сознанию...»¹⁹. Культурная память понимается как непрерывный процесс, в котором социум поддерживает свою идентичность посредством реконструкции своего прошлого, а смена схем организации исторического опыта происходит тогда, когда социум сталкивается с действительностью, которая не укладывается в рамки привычных представлений и, следовательно, требуется реорганизация памяти о минувшем, пересоздание целостного образа прошлого, «картины истории» (по аналогии с «картиной мира»).

П. Рикёр, исходя из того, что «ничто не заставляет нас считать высшие интересующие сообщества субъектом присущих им воспоминаний...»²⁰, пришел к заключению: «ни феноменология индивидуальной памяти, ни социология коллективной памяти не могут иметь под собой прочных оснований, если каждая из них соответственно считает справедливым только один из противоположных тезисов». Он предложил «исследовать возможности взаимодополнительности, содержащиеся в обоих антагонистических

¹⁵ Подробнее об исследованиях в области исторической памяти на рубеже XX–XXI вв. см.: Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и Новейшая история. 2004. № 5. С. 33–45.

¹⁶ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 169.

¹⁷ См.: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.

¹⁸ Ассман Я. Культурная память... С. 37.

¹⁹ Там же. С. 23.

²⁰ Рикёр П. Память, история, забвение / Пер. с франц. И. И. Блауберг и др. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. С. 166–168.

по отношению друг к другу подходах...»²¹. Рикёр сделал также предположение о существовании «промежуточного плана референции, где конкретно осуществляется взаимодействие между живой памятью индивидуальных личностей и публичной памятью сообществ, к которым мы принадлежим», а именно: плана динамических отношений между «я» и другими. В этой коммуникации и обнаруживается соотношение индивидуальной и коллективной памяти²².

По этому вопросу в свое время совершенно недвусмысленно выразился Ю. М. Лотман: «Подобно тому, как индивидуальное сознание обладает своими механизмами памяти, коллективное сознание, обнаруживая потребность фиксировать нечто общее для всего коллектива, создает механизмы коллективной памяти»²³. Коллективная память опирается на социальный контекст. О том или ином событии помнят только тогда, когда оно размещается в концептуальных структурах, определенных сообществом. С точки зрения семиотики, культура представляет собой «надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов)... В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти»²⁴. При этом память культуры не только едина, но и внутренне разнообразна, «ее единство существует лишь на некотором уровне и подразумевает наличие частных “диалектов памяти”, соответствующих внутренней организации коллективов, составляющих мир данной культуры»²⁵.

В конечном счете, процесс накопления и передачи информации из поколения в поколение обеспечивает возможность существования и развития общества. О. М. Медушевская обратила особое внимание на существенное различие живой информации и информации сохраненной: «Особенность информационного обмена, характерная прежде всего для человека, состоит в том, что человек имеет возможность не только использовать в качестве дополнительного информационного ресурса свою память (соотносимую с непосредственным наблюдением), но и информацию в ее сохраненном, стабильном, овещест-

вленном виде»²⁶. Лингвист Н. Г. Брагина в книге «Память в языке и культуре», на основе анализа устойчивых метафорических словосочетаний и клишированных фраз из произведений русской литературы XIX–XX вв. и современной публицистики, представила память как самоорганизующуюся и самонастраивающуюся систему функционирования фрагментов личного и социального прошлого²⁷, справедливо отмечая, что «введение памяти в социальный контекст способствовало появлению нового метафорического значения слова»²⁸.

В этом же направлении работают психологи и философы. Так, В. В. Нуркова описала роль исторического компонента в индивидуальной автобиографической памяти, представляющей собой сплав социокультурных и индивидуально-личностных смыслов²⁹. Развернутая теоретическая разработка синтетического подхода, преодолевающего дихотомию индивидуальное / надындивидуальное, представлена в работах А. И. Макарова, который объединяет в содержании понятия *надындивидуальная память* (точнее, надындивидуального измерения памяти) «социальный, культурный и историко-генетический аспекты внешнего контроля над сознанием индивида»³⁰, опираясь на комбинацию двух взаимодополнительных тенденций, отражающих диалектические моменты процесса социализации личности: «тенденции на *интериоризацию* коллективной памяти индивидуальным сознанием и тенденции на *экстериоризацию* индивидуальной памяти в обществе»³¹.

²⁶ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. С. 28.

²⁷ Брагина Н. Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 159. «Между личной, коллективной и общественной памятью посредством текстов происходит “обмен информацией”» (Там же. С. 246).

²⁸ Там же. С. 237.

²⁹ Нуркова В. В. Культурно-исторический подход к автобиографической памяти. Автореф. дисс... д. психолог. н. М.: МГУ, 2009. С. 33.

³⁰ Макаров А. И. Феномен надындивидуальной памяти (образы – концепты – рефлексия). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 9–10. См. также: Макаров А. И. Образ Другого как образ памяти (Методологические аспекты проблемы репрезентации прошлого) // Диалог со временем. 2007. Вып. 18. С. 6–18.

³¹ Макаров А. И. Феномен надындивидуальной памяти... С. 188. Макаров справедливо подчеркивает, что знание о надындивидуальном измерении памяти становится все более значимым вследствие роста искусственного слоя окружающей человека среды: ныне технический прогресс обеспечивает каждому члену общества память, которой никто никогда не был наделен лично. Макаров А. И. Феномен надындивидуальной памяти: стратегии концептуализации и онтологический статус. Автореф. дисс. д. философ. н. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2010. С. 36.

²¹ Рикер П. Память, история, забвение. С. 174.

²² См.: Филитов А. Ф. Конструирование прошлого в контексте коммуникации: теоретическая логика социологического подхода // Феномен прошлого. С. 96–120.

²³ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 344–345.

²⁴ Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 200.

²⁵ Там же. С. 201.

Показательно, что все концептуализации памяти, ориентированные на преодоление дихотомии индивидуального и надиндивидуального (коллективного, социального), видят путь к синтезу именно в истории — через изучение социокультурных факторов длительной временной протяженности и краткосрочных исторических ситуаций, вместе образующих подвижный контекст, в котором социальное конструирование идентичности выступает как сложный процесс, подверженный воздействию разнонаправленных сил и многочисленных случайностей.

Обратимся теперь к дисциплинарному аспекту, который обычно также представлен метафорически. Впрочем, говоря о междисциплинарности, следовало бы прежде всего определиться с тем, что такое «научная дисциплина» и «дисциплинарность». Как обычно определяется научная дисциплина в современных учебниках и учебных пособиях? Как правило, «дисциплина» в академическом смысле — это отрасль знания, характеризующаяся специфической совокупностью концепций и подходов. Важные детерминанты каждой научной дисциплины — *ее история/собственное прошлое* и *ее институты/организационная структура*, которая изменяется с течением времени. «Дисциплинарность» подразумевает не только определенное предметное поле, методы научной работы, исследовательские процедуры, систему референции, специфический способ мышления и язык описания, но также и собственную институциональную структуру, и сообщество практикующих ученых, и особые формы дискурса, нормы и правила профессиональной деятельности, и даже типы личности. Длительный процесс специализации и возведения «интеллектуальных стен» между дисциплинами привел к невозможности войти в исследовательское пространство другой дисциплины на профессиональном уровне. Между тем, на определенном этапе зрелости научного знания стало все труднее делать новые открытия и прорывы в узких рамках своей специальности³².

Важнейший признак современного научного знания обозначается понятием «интердисциплинарность». Это понятие, обычно переводимое как «междисциплинарность», вошло в активный оборот во второй половине XX в., когда многими учеными была осознана ограниченность дисциплинарных рамок исследований и возникла настоятельная потребность в их преодолении. В этом контексте было актуализировано представление

³² Заметим, что открытия в естественных науках уже многие годы делаются в результате «наведения мостов» между разными и зачастую совершенно далекими друг от друга дисциплинами.

о науке как едином целом. По мысли великого физика М. Планка, разделение научного знания на отдельные области обусловлено не столько природой вещей, сколько ограниченностью способности человеческого познания, а в действительности существует непрерывная цепь от физики и химии через биологию и антропологию к социальным наукам — цепь, которая ни в одном месте не может быть разорвана, разве лишь по произволу. Другая пространственная метафора — это метафора «суверенных» исследовательских территорий или полей. Следуя метафоре «исследовательских полей», можно представить любой комплекс наук (в том числе исторических, гуманитарных, социальных и т. д.) как обширное исследовательское пространство, состоящее из достаточно крупных территорий, разделенных на отдельные поля, возделываемые по специальным технологиям, которые в свою очередь разбиты на более мелкие участки и просто узкие «приграничные полосы». Однако множество «сиамских близнецов», вызванных к жизни сложными и неизменно противоречивыми процессами внутренней дифференциации и междисциплинарного сотрудничества, многократными слияниями и новыми демаркациями субдисциплин и смежных наук, уже давно и щедро «перекопало» это некогда упорядоченное пространство плотной сетью коммуникаций, сделав все предполагаемые разграничения весьма условными.

Интенсивные коммуникации между ранее сформировавшимися дисциплинами, конечно, создали некое новое пространство, в котором мы сейчас и пребываем. Совершенно иной и чрезвычайно сложный пространственный образ мира наук оказался представлен в «теории эпистем» М. Фуко, многие положения которой являются, на мой взгляд, ключевыми и для современного понимания структуры научного поля. Поле знания представлено Фуко как обширное открытое трехмерное пространство. В одном из его измерений помещаются математические и физические науки, в другом находятся науки о языке (филологические), о жизни (биологические), о производстве и распределении богатств (экономические науки). Третье измерение — философия. Гуманитарные науки находят свое место в том самом объеме, который очерчен этими тремя измерениями. Они находят свое поле действия «только в плоскости, подчиненной человеческой субъективности, в пространстве представлений», «все гуманитарные науки взаимопересекаются и всегда могут взаимоинтерпретироваться, так что их границы стираются, число смежных и промежуточных дисциплин бесконечно увеличивается, и, в конце

концов, растворен оказывается их собственный объект...». А что же история? Место истории, в определении Фуко, «не среди гуманитарных наук и даже не рядом с ними». Она вступает с ними в «необычные... более глубокие, нежели отношения соседства в некоем общем пространстве»: «История образует “среду” гуманитарных наук...»³³.

Как известно, основатели «Анналов» М. Блок и Л. Февр придавали особое значение преодолению перегородок между разными сферами интеллектуального труда и призывали каждого специалиста пользоваться опытом смежных дисциплин. Блок и Февр видели в полидисциплинарном подходе к изучению прошлого один из важнейших элементов всей научной стратегии и при этом считали, что именно историческая наука должна по праву «завладеть» всеми смежными науками о человеке и превратиться в «сердцевину» общественных наук³⁴. Несомненно, их амбициозный проект намного превосходил реальные возможности междисциплинарного диалога, какими они сложились в первой половине XX в. Позднее трудности внедисциплинарного синтеза знаний были осознаны глубже. Не случайно Ф. Бродель уже в конце 1950-х гг. предпочитал говорить о братском союзе истории с социальными науками, в котором история может претендовать не больше, чем на то, чтобы стать «самостоятельным членом необходимого сообщества всех наук о человеке», которые, чтобы добиться успеха, должны обрести историческое измерение³⁵. Как бы ни называть установку на междисциплинарность «наук о человеке» в изучении прошлого — «стратегией интеграции» или «стратегией присвоения»³⁶, ее результаты оказались впечатляющими, а попытка синтеза исследовательских перспектив социально-гуманитарных наук в фокусе человеческого сознания заслужила высокую оценку.

На рубеже 1980–1990-х гг. сторонники синтезирующей истории — представители различных исторических дисциплин обнаружили центр при-

тяжения в обладающей сильным интегративным потенциалом «новой культурной истории», предмет которой сформировался в русле историко-антропологических исследований с опорой на методы культурной и символической антропологии и включил в свою орбиту сферу конкретных культурных практик.

Вообще разграничить различные исследовательские подходы современной историографии нелегко: они сближаются и отчасти переплетаются, переходят один в другой. В подобных случаях существенно важным оказывается наличие общей «сверхзадачи»: приблизиться к пониманию специфики данной культуры и общества. Для многих современных историков «культура» стала ключевым понятием. И если история культуры в традиционном понимании изучала преимущественно ее высшие достижения, шедевры великих мыслителей, писателей, художников, то новая культурная история оказывается нацеленной на изучение культуры, не ограниченной областью художественного или интеллектуального творчества, а проявляющейся в любом поступке, в повседневной жизни, как выражение способности человека придавать смысл своим действиям.

Одновременно новая интеллектуальная ситуация в социально-гуманитарной сфере потребовала переоценки междисциплинарного проекта «Анналов», переопределения целей и средств междисциплинарности, пересмотра сложившейся системы междисциплинарного обмена: «Междисциплинарность — это один из способов взаимодействия различных специализированных научных практик. Подобные связи, их природа, функции, продуктивность зависят как от сложившегося на данный момент соотношения между дисциплинами, так и от их собственной эволюции. С начала века это соотношение изменилось... никогда еще, быть может, ограничения, накладываемые специализацией, не были так мало ощутимы. Сейчас не только повсюду получили распространение элементы единой общей культуры, но и исследовательские практики все чаще требуют компетентности в таких областях, которые отнюдь не укладываются в рамки установленных границ»³⁷.

Встает вопрос: каковы возможные последствия складывания новой концепции «интердисциплинарности» для образовательной системы и обратное воздействие ее перестройки на последующее развитие гуманитарных наук? Если в процессе научного познания фиксированные дисципли-

³³ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с франц. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб.: А-сэд, 1994. С. 376–389.

³⁴ «Постоянно устанавливая новые формы связей между близкими и дальними дисциплинами, сосредоточивать на одном и том же объекте исследования взаимные усилия различных наук — вот наиглавнейшая задача из тех, что стоят перед историей...» (Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 20).

³⁵ См., например: Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. С. 29–30.

³⁶ Подробно об этом см.: Савельева И. М., Полетаев А. В. «Там, за поворотом...» О модусе сосуществования истории с другими социальными и гуманитарными науками // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2005. С. 73–101.

³⁷ Попробуем поставить опыт [1989] // «Анналы» на рубеже веков. Антология / Пер. с франц.; отв. ред. А. Я. Гуревич, сост. С. И. Лучицкая. М.: XXI век: Согласие, 2002. С. 21.

плинарные границы теряют свою актуальность, то этого пока не скажешь о ситуации социальной: и в науке, и в образовании «окаменевшие» квалификационные рубрики перекрывают движение к сближению и кооперации бюрократическими «шлагбаумами». Одно дело — первоначальная специализация в форме новой предметной ориентации отдельных исследователей и создание («на общественных началах») новых междисциплинарных ассоциаций ученых, а другое — последующий этап ее закрепления в формальных университетских структурах, которые все еще сохраняют уходящие корни в XIX в. границы между различными дисциплинами³⁸.

³⁸ Для стимулирования развития новых интегрированных исследовательских полей, нужна гораздо более гибкая и вариативная система классификации специальностей. В сложившихся условиях междисциплинарное сотрудничество

Так что же с альянсами и мезальянсами, территориями и границами, стенами и мостами, водоразделами и каналами, злокозненными интервенциями и аннексиями? Готовы ли мы к науке без виз и границ? Наверное, к такой идиллии может привести только последовательный и конструктивный (без угрозы «интервенций» и «аннексий») трансдисциплинарный диалог (а точнее — полилог). Увы! — он обещает быть отнюдь не менее длительным, чем переговоры об отмене визового режима между Россией и странами Шенгенского договора.

продолжает ограничиваться рамками отдельных исследовательских проектов, а активность новых направлений — площадками научных симпозиумов и журналов, которые обеспечивают средства научной коммуникации, необходимые для обретения по крайней мере неформальной автономии новых дисциплин.

Список литературы:

1. «Анналы» на рубеже веков. Антология / Пер. с франц.; отв. ред. А. Я. Гуревич, сост. С. И. Лучицкая. М.: XXI век: Согласие, 2002. 284 с.
2. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
3. Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 352 с.
4. Брагина Н. Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007. 526 с.
5. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. 622 с.
6. Гири П. История в роли памяти? / Пер. И. В. Дубровского // Диалог со временем. 1999. Вып. 14. С. 106-120.
7. Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. 800 с.
8. История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. 768 с.
9. Левада Ю. А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 81-96.
10. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
11. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3-х тт. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 200-212.
12. Макаров А. И. Образ Другого как образ памяти (Методологические аспекты проблемы репрезентации прошлого) // Диалог со временем. 2007. Вып. 18. С. 6-18.
13. Макаров А. И. Феномен надындивидуальной памяти (образы – концепты – рефлексия). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 216 с.
14. Макаров А. И. Феномен надындивидуальной памяти: стратегии концептуализации и онтологический статус. Автореф. дисс. д. философ. н. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2010. 36 с.
15. Маловичко С. И. Социальная память и историческая наука: проблемы целелогагия // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XXI века. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 212-215.
16. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.
17. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 202-208.
18. Нуркова В. В. Культурно-исторический подход к автобиографической памяти. Автореф. дисс... д. психолог. н.). М.: МГУ, 2009. 50 с.
19. Образы времени и исторические представления: Россия, Восток, Запад / под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. 960 с.
20. Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и Новейшая история. 2004. № 5. С. 33-45.
21. Рикёр П. Память, история, забвение / Пер. с франц. И. И. Блауберг и др. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.

22. Савельева И. М., Полетаев А. В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / Ред. И. М. Савельева. М.: ГУ-ВШЭ, 2005. С. 170-220.
23. Савельева И. М., Полетаев А. В. «Там, за поворотом...» О модусе сосуществования истории с другими социальными и гуманитарными науками // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2005. С. 73-101.
24. Стены и мосты: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях: материалы Международной научной конференции (Москва, РГГУ, 13-14 июня 2012 г.) / Отв. ред. Г. Г. Ершова, Е. А. Долгова. М.: Совпадение, 2012. 344 с.
25. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3-14.
26. Феномен прошлого / Ред. И. М. Савельева. М.: ГУ-ВШЭ, 2005. 476 с.
27. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 529 с.
28. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / Пер. с франц. Е. Лебедевой. М.: Высшая школа, 1992. 351 с.
29. Филиппов А.Ф. Конструирование прошлого в контексте коммуникации: теоретическая логика социологического подхода // Феномен прошлого. С. 96-120.
30. Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуимеж, М. Винок; пер. с франц. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 328 с.
31. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с франц. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб.: А-сид, 1994. 408 с.
32. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
33. «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2005. 258 с.
34. Klein, Julie Thompson. Crossing Boundaries: Knowledge, Disciplinarity and Interdisciplinarity. Charlottesville: Univ. Press of Virginia, 1996. 281 p.
35. Knowledges. Historical and Critical Studies in Disciplinarity / Ed. by E. Messer-Davidow, D. Shumway, D. Sylvan. Charlottesville; L.: Univ. Press of Virginia, 1993. 245 p.
36. Les lieux de mémoire / P. Nora (dir.). T. 1–7. Paris: Gallimard, 1984-1992. См. также: Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуимеж, М. Винок; пер. с франц. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 328 с.
37. Macdonald S., Fausser K. Towards European Historical Consciousness: an introduction // Approaches to European Historical Consciousness – Reflections and Provocations / Ed. by Sharon MacDonald. (Eustory Series: Shaping European History, Vol 1). Hamburg: Körber-Stiftung, 2000. P. 9-30.
38. Rüsen J. Studies in Metahistory / Ed. by P. Duvenage. Pretoria: Human Sciences Research Council, 1993. 239 p.
39. Zerubavel E. Time Maps. Collective Memory and the Social Shape of the Past. Chicago: The University of Chicago Press, 2003. 187 p.

References (transliteration):

1. «Annaly» na rubezhe vekov. Antologiya / Per. s frants.; otv. red. A. Ya. Gurevich, sost. S. I. Luchitskaya. M.: XXI vek: Soglasie, 2002. 284 s.
2. Assman Ya. Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti / Per. s nem. M. M. Sokol'skoy. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 368 s.
3. Barg M. A. Epokhi i idei. Stanovlenie istorizma. M.: Mysl', 1987. 352 s.
4. Bragina N.G. Pamyat' v yazyke i kul'ture. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007. 526 s.
5. Brodel' F. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe. M.: Progress, 1986. 622 s.
6. Giri P. Istoriya v roli pamyati? / Per. I. V. Dubrovskogo // Dialog so vremenem. 1999. Vyp. 14. S. 106-120.
7. Dialogi so vremenem: pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L. P. Repinoy. M.: Krug', 2008. 800 s.
8. Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni / Pod red. L. P. Repinoy. M.: Krug', 2006. 768 s.
9. Levada Yu. A. Istoricheskoe soznanie i nauchnyy metod // Filosofskie problemy istoricheskoy nauki. M., 1969. S. 81-96.
10. Lotman Yu. M. Vnutri myslyashchikh mirov: Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya. M.: Yazyki russkoy kul'tury, 1996. 464 s.
11. Lotman Yu. M. Pamyat' v kul'turologicheskom osveshchenii // Lotman Yu. M. Izbrannye stat'i. V 3-kh tt. T. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. Tallinn: Aleksandra, 1992. S. 200-212.
12. Makarov A. I. Obraz Drugogo kak obraz pamyati (Metodologicheskie aspekty problemy reprezentatsii proshlogo) // Dialog so vremenem. 2007. Vyp. 18. S. 6-18.
13. Makarov A. I. Fenomen nadyndividual'noy pamyati (obrazy – kontsepty – refleksiya). Volgograd: Izd-vo VolGU, 2009. 216 s.
14. Makarov A. I. Fenomen nadyndividual'noy pamyati: strategii kontseptualizatsii i ontologicheskiiy status. Avtoref. diss. d. filosof. n. SPb.: RGPU im. A. I. Gertsena, 2010. 36 s.

15. Malovichko S. I. Sotsial'naya pamyat' i istoricheskaya nauka: problemy tselepolaganiya // Istoriya i istoriki v prostranstve natsional'noy i mirovoy kul'tury XVIII – nachala XXI veka. M.: IVI RAN, 2011. S. 212-215.
16. Medushevskaya O. M. Teoriya i metodologiya kognitivnoy istorii. M.: RGGU, 2008. 358 s.
17. Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamyati // Neprikosnovennyi zapas. 2005. № 2–3. S. 202-208.
18. Nurkova V. V. Kul'turno-istoricheskiy podkhod k avtobiograficheskoy pamyati. Avtoref. diss... d. psikholog. n.). M.: MGU, 2009. 50 s.
19. Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya, Vostok, Zapad / pod red. L. P. Repinoy. M.: Krug', 2010. 960 s.
20. Repina L. P. Istoricheskaya pamyat' i sovremennaya istoriografiya // Novaya i Noveyshaya istoriya. 2004. № 5. S. 33-45.
21. Riker P. Pamyat', istoriya, zabvenie / Per. s frants. I. I. Blauberg i dr. M.: Izd-vo gumanitarnoy literatury, 2004. 728 s.
22. Savel'eva I. M., Poletaev A. V. «Istoricheskaya pamyat'»: k voprosu o granitsakh ponyatiya // Fenomen proshlogo / Red. I. M. Savel'eva. M.: GU-VShE, 2005. S. 170-220.
23. Savel'eva I. M., Poletaev A. B. «Tam, za povorotom...» O moduse sosushchestvovaniya istorii s drugimi sotsial'nymi i gumanitarnymi naukami // Novyy obraz istoricheskoy nauki v vek globalizatsii i informatizatsii / Pod red. L. P. Repinoy. M., 2005. S. 73-101.
24. Steny i mosty: mezhdistsiplinarnye podkhody v istoricheskikh issledovaniyakh: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moskva, RGGU, 13-14 iyunya 2012 g.) / Otv. red. G. G. Ershova, E. A. Dolgova. M.: Sovpadenie, 2012. 344 s.
25. Toshchenko Zh. T. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat' // Novaya i noveyshaya istoriya. 2000. № 4. S. 3-14.
26. Fenomen proshlogo / Red. I. M. Savel'eva. M.: GU-VShE, 2005. 476 s.
27. Fevr L. Boi za istoriyu. M.: Nauka, 1991. 529 s.
28. Ferro M. Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira / Per. s frants. E. Lebedevoy. M.: Vysshaya shkola, 1992. 351 s.
29. Filippov A.F. Konstruirovaniye proshlogo v kontekste kommunikatsii: teoreticheskaya logika sotsiologicheskogo podkhoda // Fenomen proshlogo. S. 96-120.
30. Frantsiya – pamyat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok; per. s frants. D. Khapaevoy. SPb.: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 1999. 328 s.
31. Fuko M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk / Per. s frants. V. P. Vizgina, N. S. Avtonomovoy. SPb.: A-cad, 1994. 408 c.
32. Khal'bvaks M. Sotsial'nye ramki pamyati / Per. s fr. i vstup. stat'ya S. N. Zenkina. M.: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 c.
33. «Tsep' vremen»: problemy istoricheskogo soznaniya / Pod red. L. P. Repinoy. M.: IVI RAN, 2005. 258 c.
34. Klein, Julie Thompson. Crossing Boundaries: Knowledge, Disciplinarity and Interdisciplinarity. Charlottesville: Univ. Press of Virginia, 1996. 281 p.
35. Knowledges. Historical and Critical Studies in Disciplinarity / Ed. by E. Messer-Davidow, D. Shumway, D. Sylvan. Charlottesville; L.: Univ. Press of Virginia, 1993. 245 p.
36. Les lieux de mémoire / P. Nora (dir.). T. 1–7. Paris: Gallimard, 1984-1992. Sm. takzhe: Frantsiya – pamyat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok; per. s frants. D. Khapaevoy. SPb.: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 1999. 328 s.
37. Macdonald S., Fausser K. Towards European Historical Consciousness: an introduction // Approaches to European Historical Consciousness – Reflections and Provocations / Ed. by Sharon MacDonald. (Eustory Series: Shaping European History, Vol 1). Hamburg: Körber-Stiftung, 2000. P. 9-30.
38. Rösen J. Studies in Metahistory / Ed. by P. Duvenage. Pretoria: Human Sciences Research Council, 1993. 239 p.
39. Zerubavel E. Time Maps. Collective Memory and the Social Shape of the Past. Chicago: The University of Chicago Press, 2003. 187 p.